

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-24
В русском жанре – 84

”

Если и сохраняются советские традиции, то исключительно скверные. Минувшим летом в нашем Союзе (посёлок назван в связи с планами возвращающихся из казахстанской ссылки на территорию бывшей республики немцев Поволжья, которых в скором времени саратовская власть во главе с Д. Аячковым успешно вновь изгнала) решили обновить детскую площадку, для чего первым делом расхерачили прежнюю, поставленную первыми недолгими обитателями. Сварные качели, лесенки, турники разбросали по сторонам и месяца на два оставили валяться. Я попытался в местной администрации выяснить: а) почему уничтожили целенькую площадку и б). почему не ставят новую. На первый вопрос ответили, что площадка не соответствовала мировым стандартам, а новую ещё не доставили. К осени привезли подобную прежней, но изготовленную не из стали, как прежняя, а из пластика и бумагоподобной жести.

Живущий в ближайшем к площадке доме гражданин, высадивший несколько сразу уничтоженных приехавшими саженцев, спросил надзирающую за работами замглавы администрации (есть и такая оплачиваемая должность в миниатюрном поселке), может ли он перенести снесенные качели на свой двор для внучек, что та запретила, серьёзно пояснив: «они у нас на балансе». Надо ли добавить, что все прежние детали площадки «на балансе» так и валяются, теперь уже укрытые снегом. А возьми кто молча – никто бы не заметил.

”

В моей старой жизни толчком к воспоминаниям часто служит ТВ. Так и перебегают мыслёшки от одного увиденного-вспомнившегося к другому. Вот мелькнул показ фильма «Каин восемнадцатый», который я и не видел, но почему-то он связан с дорогим моей памяти другом Петрусенко, и всё же вспомнил.

У Илюши была простительная и, как мне кажется, несколько еврейская слабость льститься знакомством с условно говоря известными, просто с людьми известных профессий. Когда мы были в незабываемой поездке (1964) в Ленинград, он увлёк меня в ихний тюз, чтобы похвастать как бы дружбой с актёром, фамилию которого я запомнил.

«Вернов Геннадий Александрович. 18 сентября 1931 – 15 мая 1997. В 1960 году – актёр Ярославского драматического театра. С 1962 – актер Ленинградского ТЮЗа, затем – Ленинградского театра им. Комиссаржевской».

В театр билетов не покупали, зашли через служебный вход. Оставив меня в вестибюле, Илюша ушёл в уборную к Вернову, прибежал оттуда возбуждённый, со словами «Светка говорит: “какой красивый мальчик сидит! Каин восемнадцатый помнишь?”»

Поскольку меня даже мама красивым не считала, я и запомнил. В уборной у мужественно привлекательного Вернова сидела девушка, сейчас по списку ролей узнал: Светлана Лощинина. Вернов пел под свою гитару, я тогда услышал «На Тихорецкую состав отправится», ставшую потом всем известной по фильму «Ирония судьбы».

Я хоть порой и завидовал неиссякаемой жовиальности друга, не мог не удивляться тому, сколько сил и времени он затрачивает на достижение целей в общем-то второстепенных.

У нас был друг, а точнее, друг у него, мне же просто приятель – Алик Гольдфедеер, живший в Саратове, когда отец его заведовал кафедрой в консерватории. Потом они уехали в Москву, а еще потом Сашка за границу. И спустя какой-то срок Илья с большими сложностями, т.к. занавес был ещё советский, сумел по приглашению Гольда к нему съездить в Голландию и Штаты. Не обижая память друга, всё же отмечу, что, конечно, не по зову сердца, а чтобы *побывать*, а после рассказать раз, другой и третий.

”

В связи с недавним потоплением судов в Чёрном море и постоянными историческими отсылками вспомнили и знаменитую гибель лайнера «Адмирал Нахимов» в Цемесской бухте Новороссийска 31 августа 1986 года. И – вы будете смеяться – в голове вновь выскочило имя всё того же Илюши.

Поздней осенью забытого уже по цифрам года я жил в ялтинском доме творчества, и Петрусенко оказался тогда там, затеяв отправиться с возлюбленной от Крыма до Одессы на том самом «Адмирале Нахимове». Корабль стоял у причальной стенки, и я провожал друга с его Ларисой и побывал на борту, где было как-то красно-бархатно-медно-зеркально у буфетной стойки. Да, мой друг умел интересно жить.

”

А вот ещё. В тэвэшке любят сюжеты о советском оружии, они и впрямь увлекательны, во всяком случае для меня. Даже сами названия или марки когдатюшних крейсеров, танков, орудий, самолётов волнующе притягательны.

«В сентябре 1974 года проведены лётные испытания серийного образца самолёта вертикального взлёта и посадки Як-36М, ставшего прототипом штурмовика Як-38. Первая посадка двух самолётов Як-36М на авианесущий крейсер «Киев» состоялась 18 мая 1975 года. В период с 1974 по 1989 год завод выпустил более 200 штурмовиков корабельного базирования Як-38» (Википедия).

А в Саратове был авиационный завод.

«Саратовский авиационный завод (САЗ) – авиастроительное предприятие в Саратове, функционировавшее до 2012 года. Производило самолёты ОКБ Яковлева, – истребители Як-1 и Як-3, пассажирские Як-40, Як-42, палубные самолёты с вертикальным взлётом и посадкой (СВВП) Як-38, а также самолёты и вертолёты других КБ» (Википедия).

Ну, и где здесь место твоему легендарному другу? А вот где. Он в те годы повторно женился, и его избранница по имени Вера обитала вблизи аэродрома Саратовского авиационного завода, потом разорённого и распоряданного руководством во главе с Александром Ермишиным, не по-несшим за то наказания, теперь же идёт возня вокруг продажи заводских земель, а в гигантском здании сборочного цеха расположился т/ц «Ашан». Когда приходили к его теще, порой тряслись и дребезжали оконные стекла при взлёте Як-38.

”

Нет, всё же грех вовсе пренебрегать писателем, на память о котором осталась надпись: «*Дорогому Серёже Боровикову с добрым приветом и пожеланием счастья. Конст. Федин, Москва, 26.II.1964*» на третьем томе собрания сочинений (1960), куда вошли роман «Братья» (1927) и повести «Наровчатская хроника» (1925) и «Трансвааль» (1926). Случайность, конечно, но эти вещи, все три, у него лучшие, к ним рядом ещё только «Горький среди нас». А к Федину меня отослала передача «Рассказы из русской истории» презираемого либеральной общественностью Владимира Мединского, где он рассказывал о знаменитом полководце.

«Граф Иван Иванович Дибич-Забалканский (до поступления на русскую службу Ганс Карл Фридрих Антон фон Дибич-унд-Нартен – нем. Hans Karl Friedrich Anton von Diebitsch und Narten, 2 [13] мая 1785, Грослейне, Силезия – 29 мая 1831, Клецево близ Пултуска) – русский полководец (сын прусского офицера, который в дальнейшем поступил на русскую службу). Генерал-фельдмаршал (1829), генерал-адъютант (1818), четвёртый, после Кутузова, Барклая-де-Толли и Паскевича и последний полный кавалер ордена Святого Георгия» (Википедия).

Это справка, а у Федина:

«Поручик царской армии Василий Данилович Дибич пробирался из немецкого плена на родину – в уездный волжский городок Хвалынский» (Необыкновенное лето. 1949).

И я попытался найти связь полководца и нашего Хвалынска. Ничего даже близко нет. Обширнейшее поместье Ивана Ивановича располагалось на берегу Финского залива, где даже сохранилась полуразрушенная «башня Дибича».

Зачем дал персонажу эту фамилию писатель, который, как сформулировала Гера Макаровская, «Заранее палочкой потычет вокруг – можно ли ступить»? И я понял, что права Гера, сто раз права: осторожный писатель и здесь проявил страховочную предусмотрительность.

Ну, понадобилось ему для придуманного возвращенца из немецкого плена фамилия знатного офицера, и для впечатления достоверности реальная. Но наречь своего царского поручика Голицыным или Шереметевым опасно, надо, чтобы потомков не могло возникнуть с их ненужными вопросами. И вот и герой, и не вполне русский, да и род на нём, бездетном, пресёкся. Нет, немало, думаю, времени употребил в отсутствии тогда интернета Константин Александрович на поиски подходящей фамилии.

”

Как-то я рассказал университетскому приятелю Валерке Виноградскому, занятому тогдаписанием кандидатской, насколько меня бодрит вид стопы исписанной вчера бумаги. И он проверил на себе: точно!

В самом деле, любому пишущему знакомая радость от зримого прибавления делаемого текста. Публикация радует фамилией, а производство наглядностью.

Юрий Нагибин в конце дней занялся «изданием за свой счет своего собрания сочинений. Все сбережения утонуло на это собрание, но так его и не завершил. Намеревался издать 12 томов по 10 тысяч экземпляров»¹. Не знаю, сколько томов он застал, но сейчас в Сети сообщается и о десяти, и о двенадцати томах. А до этого уже было в четырех томах, на которое я в 1980 году подписался, хотя уже утратил былой интерес к этому писателю, а самых крутых его вещей, как «Моя золотая тёща» и, разумеется, Дневника, изданного тем же Кувалдиным, еще не было. К столетию со дня рождения Нагибина в 2020 году издали девять томов тиражом в одну тысячу, да и та не разошлась, будет, разумеется, лежать.

Юрий Маркович был известным и плодовитым писателем, у него вышли сотни книг, да и в последние годы случались переиздания, к чему была последняя затея? К тому же был он всегда профессионально озабочен заработками, в чём преуспел, и не в его натуре было «все сбережения угрожать» на издание. Много лет ему платили за его тексты, и вот в каком-то, думаю, кураже, дожив до обратных времён, он решил им противоречить, как много лет противоречил советским правилам, союзу советских писателей, столь ненавистно необходимому. В издании за свой счет было тщеславие особого рода, даже щегольство. Застав крушение бывших, в т.ч. и книжных ценностей, старый писатель хотел тормознуть его.

Вообще собрание сочинений штука хитрая. Известно, какую общественную волну поднял договор Чехова с издателем Марксом на его издание.

¹ Юрий Кувалдин. НГ, 17.06.2004.

Советский период знал разные формы и уровни отношений автора и издателя. Немного поколебавшись в 20-е, пока существовали частные издательства, после их ликвидации, сочетая вплоть до войны жестокую цензуру с необъяснимой вольницей вроде издания собр. соч. Велимира Хлебникова в 1940-м году, подчинившись до упора потребностям военного времени, книгоиздание вошло в многолетние жёсткие рамки. В них подписные собрания сочинений допускались по особому верховному допущению только у признанных теми же верхами (и отчасти читателем) безусловными классиками. Таковых для начала сразу после войны было несколько. Петр Павленко, Илья Эренбург, Леонид Леонов, Андрей Упит, Борис Горбатов, Александр Корнейчук, Константин Федин.

Потом к ним изредка добавлялись новые классики: Юрий Бондарев, Михаил Алексеев, Пётр Проскурин. Как-то в редакции я рассказал, что слышал о выпуске «Советской Россией» собрания Проскурина, на что Шундик не удержался куда-то в воздух завистливо спросить: «А не рано ли Пете?»

Впрочем, у Пети читатель хоть был, а ведь по должности четырёхтомника в том же издательстве дождался и сам Шундик, правда, с задержкой, когда его потеснила Агния Кузнецова не по должности, а по семейному положению жены Георгия Маркова.

Помню, как счастлив до постоянной на похмельном лице улыбки был покойный Слава Пещух выходящему десятитомнику.

Нет-нет, есть всё же в сочинительстве, а точнее в сумраке сочинительской души волнующая тайна.

””

Сейчас в силу понятных причин возник интерес к Белгороду, и случайно открытая информация задала мне безответный вопрос.

«5 августа 1943 года навсегда останется знаменательной датой для Белгорода. После перерыва в городском театре начался новый сезон, открывшийся пьесой М.В. Водопьянова и Ю.Г. Лантева “Вынужденная посадка”» (<https://www.belnovosti.ru/>).

Постараюсь объяснить, что меня остановило.

Вообразим полярную ночь, торосы, так сказать, и айсберги, и всё как в «Золотом телёнке»: «Весь мир, волнуясь, следил за полетом Севрюгова. Пропала без вести иностранная экспедиция, шедшая к полюсу, и Севрюгов должен был ее отыскать. Мир жил надеждой на успешные действия летчика. Переговаривались радиостанции всех материков, метеорологи предостерегали отважно-го Севрюгова от магнитных бурь, его моторов был слышен во всем мире» – и... жалкий спектакль в облдрамтеатре... Каким образом всё это встало рядом? А таким же, как лётчик Севрюгов и ничейная бабушка из Вороньей слободки.

«Михаил Васильевич Водопьянов (6 (18) ноября 1899, Тамбовская губерния – 11 августа 1980, Москва) – советский лётчик, участник операции по спасению экспедиции парохода “Челюскин” в 1934 году, один из семёрки первых Героев Советского Союза (20.04.1934). Участник высокоширотных арктических экспедиций. Член Союза писателей СССР. Член ЦИК СССР. Генерал-майор авиации (30.04.1943)» (Википедия).

Но что заставляло знаменитого летчика вообще что-то искать на подмостках сцены? Денег и славы у него было в избытке, были кремлёвские приёмы и застолья у Алексея Толстого¹, и вынужден корешиться с третьестепенным литератором, унылым проректором Литинститута? Да кто ж его вынудил?

Только и только потребность в писании. Его книги, что я читал в детстве, «Полярный лётчик» и другие, привлекали арктическим колоритом, но и написаны были как писали тогда обычные советские писатели, но он-то был не они, и потому его членство в СП выглядит чужеродно.

¹ А.Н. Вертинский отозвался о Водопьянове как «одном из первых друзей, которых мы завели. Он, Игнатъев, А.Толстой – вот первые люди, которые пришли ко мне по приезде».

”

Раз Толстой «Анной Карениной» (1874) и повторял «Грозу» (1860) Островского, почему же так волнуют эти повторы, перепевы и т.п.? Даже не так – они меня радуют, было очень приятно заметить, что комедия Островского «Богатые невесты» («Отечественные записки», 1876) во многом повторяет роман Достоевского «Идиот» («Русский вестник», 1868). И ещё, тоже недавно, я позволил себе отметить утрату или запрет в «учёном» разговоре понятий нравится-не нравится¹. Теперь же в мою старую и слишком свободную от нового голову приехал вопрос: насколько нам, читателям, близок или хотя бы понятен тот или иной персонаж неважно из какого произведения. Дело в том, что про себя у меня есть единственный пример, когда я точно и абсолютно во всём понимаю и наперёд точно человека знаю. Это герой-рассказчик повести (или романа) Альбера Камю «Посторонний». Он мне досконально во всём изнутри понятен. Устрашусь заявить, что это я и есть, но из отношения к нему окружающих я сполна понял отношения ко мне с детства и по сю пору других людей, включая двух жен и двух сыновей.

Но есть у нас с Мерсо и буквальные совпадения. Даже в том главном, из-за чего и складывается отчуждение, наша посторонность окружающему. Мне, как и герою Камю, непонятно отчуждение и осуждение меня своим единодушием. «В нашем обществе любой, кто не плачет на похоронах матери, рискует быть приговорённым к смерти»². Ведь и я не плакал, когда умер отец и когда умерла мать, но рыдал, когда пришлось усыпить ризеншнауцера Шеру. По нормам это означает моё нравственное уродство, да? Во всяком случае первостепенно именно единодушие, солидарность окружающих в осуждении тебя за... Вот здесь-то и вопрос: за что?

Предполагается, что за равнодушие, но ведь похоронные слёзы часто лишь дань ритуалу, и тогда – за несоблюдение принятых правил, так?

В повести (романе) посторонность никак не объясняется, она не мотивирована ничем. Дело во французском Алжире, но нет и следа какой-либо особенности тамошних нравов, и отличие от них героя иначе как врождённым не объяснишь.

Как говорится, вы будете смеяться, но и я, и другие, как помню, мою особость видели, и в поведении, да и словах, не скрывали. Чаше насмешничали, как старший брат, но всегда привычно отделяли меня. словно залетевшего в общую стаю чужака, и не доверяя и оберегая одновременно.

У меня не было никаких ни к чему склонностей, возникнуть они могли ситуативно, как в девятом классе неожиданно став первым учеником по единственному предмету, экономической географии, я ненадолго возмечтал ехать в МГУ поступать на географический.

Я не писал стихов, но читая в 64–67 гг. «Новый мир», зачем-то придумал несколько рассказов. Мой друг Илюша писал и стихи и прозу, и когда я один показал ему, а мы шли по набережной, он ткнул пальцем в одно дерево, другое, третье: «Это что? А эти кусты? Писа-а-тель земли русской!» Это было настолько правда, что даже не обидно.

Ну и вся моя, извините, *карьер* началась и продолжилась случайно. И не сразу, а лишь через годы пришёл из молодых лет, как когда мы с Илюшей писали друг другу самый настоящий пост-модерн, пришёл мой «русский жанр».

Рассказывая о своих днях, алжирский француз Мерсо чаще всего называет собственное ко всему безразличие, даже в суде над собой. Он не привык и не хочет волноваться. Я задал вопрос себе, и просяя в памяти семь десятилетий, выявил бесспорное преобладание в моих мыслях наречий *видимо, вероятно и возможно*. Мне трудно сейчас поточнее сказать, всё-таки я не беллетрист, но поверьте, что все служебные тревобления были для меня как сквозь воду. Я и дома-то не склонен был к выявлению *правды*, что подвигало мою вспыльчивую супругу к словам: «От-

¹ Запятая-21 // Знамя. 2023. №11.

² А. Camus. Oeuvres complètes. V. 1. Gallimard, 2006. P. 215.

молчаться решил – не выйдет!», и годы мне понадобились, чтобы обрести вкус в скандале. А все многие плюсы и несущественные минусы на долгой дороге редакторства и сочинительства меня не волновали, ведь значение имели только растущие заработки. А уж так удививший многих мой переход из якобы патриотов в якобы либералы меня и вовсе не волновал, потому как смысл там лишь в слове: *якобы*. Так о себе книгу бы и назвал. «Якобы», а?

”

Сейчас принято обличать 90-е годы, ставшие в пропаганде синонимом криминала, беззакония, разрухи. Броские приметы тех лет сейчас и впрямь диковаты. Когда по нужде коллектив «Волги» решил сдать в аренду две редакционные комнаты, новая реальность вошла в наши старые двери. Постояльцы занимались торговлей зерном, много ездили по области, и почти все были недавние офицеры. В соседней с ними комнате сидела Галина Борисовна, очень худая курящая недобрая старуха-детдомовка. Зерноторговцев она открыто невзлюбила, и как-то их зам. директора, весёлый и пригожий молодой человек, зашёл ко мне в кабинет и затеял разговор именно о Галине Борисовне. Точнее о том, как им позарез необходима её комната, и для этого желательно одинокую старушку убрать. На вопрос, каким образом, мой гость с широкой улыбкой объяснил: «Ведь её никто искать не станет...»

Можно воспринимать юмористически, но в реальности как-то один из рядовых постояльцев, выпивши, к вечеру зашёл в бухгалтерию, неся под мышкой *калашников*, и попросил до завтра его оставить, потому что если домой автомат принесёт, жена заругает.

А возвращаясь к началу о поношении 90-х, твёрдо заявляю, что богаче, интереснее, причудливее, разнообразнее, перспективнее, веселее времени я, за все за свои семьдесят семь земных годов, не знаю. Тогда хотелось жить не в ожидании каких-то грядущих и волшебных перемен, а сразу. Жизнерадостное было время и словно знало свой скорый конец и спешило, спешило...

”

«Оттепели мне надоели, они только расслабляют и травят душу иллюзиями». Из письма Сергея Довлатова Игорю Смирнову (1982).